

О мобилизации Русской Армии в 1914 году¹

СЕРГЕЙ
ДОБРОРОЛЬСКИЙ

I. ВВЕДЕНИЕ

Мобилизация Русской Императорской Армии в 1914 году была прологом величайшей исторической драмы, последнее действие которой еще не разыграно. Уже на фоне его можно заметить туманные точки, которым суждено было стать предвестниками руководящего мрачного тона всей эпохи. Исследование процесса мобилизации во всем ее объеме поэтому крайне интересно и может появиться лишь в будущем из-под пера специалиста во всеоружии документов... В данном очерке нет претензий на такой труд: вдали от источников, без записок, документов, следовательно, без цифр и даже без обычного дневника нельзя дать серьезную историческую работу. Здесь задача гораздо скромнее: поделиться своими личными переживаниями в качестве руководителя того органа, который призван был технически подложить огонь под мировой костер...

Мобилизация вооруженных сил государства занимает совсем особое место в сложном творчестве войны: ход ее менее всего зависит от единоличной воли вождя. Весь план мобилизации до конца разработан заблаговременно, во всех подробностях. Выбран момент, остается нажать кнопку, и все государство работает автоматически, с точностью часового механизма, для превращения в несколько дней своей кадровой армии в вооруженный народ. Здесь творчество Верховного Вождя сводится к выбору начального срока. Оно коротко по времени, на выбор этого срока влияет многообразный комплекс политических причин; этот срок дан – кончено, возврата нет: он уже механически предопределяет начало войны.

К области высшего творчества придется до некоторой степени отнести и выбор способа мобилизации – в том случае, если для армии предусматриваются различные виды мобилизации.

1 При чтении моей статьи может возникнуть сомнение, следовало ли оглашать некоторые данные «секретного» характера. Но не следует забывать, что все секреты русского дореволюционного правительства находятся в руках власти, поставленной из Берлина при содействии германского Генерального штаба, а во главе военного ведомства стоит Троцкий-Бронштейн. В их руках все архивы, все документы, все планы, хранившиеся когда-то за десятью замками. Для кого эти секреты нужны, тот давно сумел их купить, как куплена вся несчастная Россия. – *Примеч. автора.*

Сергей Константинович Добrorольский (1867–1930) – генерал-лейтенант, участник русско-японской, Первой мировой и гражданской войн, в 1913–1914 годах начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба.

Оба названные основные вопросы разрешены были в июле 1914 года для Русской Армии после больших колебаний, подробности которых малоизвестны, хотя о некоторых фазисах этих колебаний уже писалось в повременных изданиях.

Постараюсь подробнее на них остановиться в виду несомненного их исторического интереса.

Для ясности дальнейшего изложения нужно сказать несколько слов основных положений нашей мобилизации перед великой войною.

Есть три вида мобилизации армии:

Мобилизация общая – когда единовременно на всей территории государства производится призыв всего запаса обученных людей, прошедших кадры, для пополнения всей армии и флота до штатов военного времени. Призывается и нужная часть необученного или слабо обученного запаса – то есть некоторые сроки ополчения².

Мобилизация последовательная – когда та же цель достигается не единовременным призывом на всей территории государства, а последовательно, порайонно, по частям территории. Этот способ соответствует случаю войны с отдаленным сильным соседом, на границу с которым можно сосредоточивать мобилизованную армию, вследствие недостатка железных дорог, постепенно и медленно.

Мобилизация частная – когда война предстоит со слабым соседом и для достижения цели борьбы нет надобности доводить до штатов военного времени всю армию и флот, кадрового состава.

Общая мобилизация подразумевает напряжение средств борьбы до крайнего предела, когда призывается все физически способное мужское население государства. В результате такого всеобщего ополчения народа, наиболее отождествляющего вооруженный народ, создаются армии второй и, может быть, третьей линий. Такая мобилизация вмещает и всеобщность, и последовательность. Это будет крайняя степень общей мобилизации – назовем ее мобилизацией всеобщей или поголовной. Это и будет настоящий «Volk im Waffen»³. La levee en masse⁴.

Наш основной военный закон – устав воинской повинности издания 1912 года – предоставлял в случае войны возможность использовать все способное носить оружие мужское население государства, в возрасте от 20 и до 43 лет включительно, то

2 Согласно уставу 1874 года общий срок службы устанавливался в 15 лет. Из них действительная служба составляла 6 лет, в запасе – 9 лет. После окончания установленного законом срока пребывания в запасе лица, в нем состоявшие, перечислялись в государственное ополчение. – *Примеч. публикатора.*

3 Вооруженный народ (нем.). – *Примеч. публикатора.*

4 Общая воинская повинность, массовый призыв (фр.). – *Примеч. публикатора.*

есть 24 возраста, что составляло в грубых цифрах двенадцать миллионов мужчин, если принять в расчет те льготы по нашему закону, которые освобождали от военной службы. Если же брать всех физически способных, то эта цифра должна быть увеличена до пятнадцати миллионов людей⁵.

Не представлялось, однако, возможным, по техническим причинам, и не было надобности всю эту человеческую массу призывать к оружию сразу. Наоборот – это был общий резерв людей в России, который надо было умело использовать в известной постепенности в течение всего периода войны.

На этом основании наш общий мобилизационный план предусматривал:

- мобилизацию нашей постоянной армии призывом в войска запасных и поставкой лошадей, повозок и автомобилей;
- развертывание из скрытых кадров мирного времени второочередных войсковых частей и запасных войск;
- формирование ополченских частей, которые в совокупности имели значение второлинейной армии; но часть ополчения – из людей, прошедших ряды войск или отбывших учебные сборы, – должна была быть использована в качестве составной части перволинейной или полевой армии.

Что же это давало в цифрах?

Наша армия мирного времени определялась в 1 300 000 человек.

Запас обученных людей, составлявших 15 возрастов (в 1914 году это были нижние чины призывов от 1911-го и по 1897 год включительно), давал 3 500 000 человек.

Вся остальная масса военнообязанных состояла из ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов; 1-й разряд – проходившие через ряды армии или получившие кратковременное воинское обучение в учебных сборах; 2-й разряд – необученные. В общем, государственное ополчение определялось колоссальной цифрой от семи до десяти миллионов людей.

Мобилизационный план не обнимал всего ополчения в той же подробности, как и запаса армии. Предполагалось возможным ограничиться ополчением 1-го разряда. На точном учете были четыре младших возраста. Это те военнообязанные, которые по разным причинам не были взяты на военную службу в мирное время, а затем – старые сроки, окончившие пребывание в запасе и оставшиеся в 1-м разряда до 43-летнего возраста включительно. Из этого ополчения формировались 900 дружин, сотен и батарей. Это составляло около одного миллиона людей. Означенные ополченские части предназначались для

5 Общая годовая цифра молодых людей призывного возраста во всей России – кроме народностей и групп населения, освобожденных от воинской повинности, – определялась в 1912 году цифрой приблизительно около 700 000 человек. – *Примеч. автора.*

тыловой и, главным образом, для гарнизонной службы внутри Империи на замену ушедшей полевой армии.

Из этого же ополчения должны были формироваться запасные батальоны второй очереди, около 500, на что предназначался также один миллион людей.

Всего мобилизационный план охватывал семь миллионов военнообязанных.

Но и эти семь миллионов призывались не одновременно.

Запас армии призывался Высочайшим указом Правительствующему Сенату, в котором перечислялись губернии и области, где должен быть произведен призыв и – каких сроков службы. Особою телеграммою, за подписью трех министров – военного, морского и внутренних дел – Высочайшее повеление о мобилизации объявлялось на местах. В тот же указ и телеграмму включалось о призыве только тех ратников ополчения 1-го разряда, которые, в виде исключения, шли в наряд в войска. Это относилось преимущественно до некоторых пограничных уездов, оставление в коих обученного ополчения грозило опасностью, что они попадут к врагу.

Вся же масса ополчения поднималась позже Высочайшим манифестом.

Наш закон предусматривал различные сроки явки для запасных и для ратников: одни сутки, трое суток и все дальнейшие мобилизационные сроки для ополчения были значительно растянуты. Мобилизация естественно выходила последовательно. Поэтому заблаговременная подготовка мобилизации постоянной армии и ополчения была весьма различна.

Для мобилизации армии существовало мобилизационное расписание, которое точно устанавливало, не по дням, а по часам, по уездам и по всем войсковым частям и учреждениям, наряд нижних чинов запаса и лошадей.

Мобилизация армии в 1914 году была произведена по мобилизационному расписанию № 18 измененному. Расписания вводились на определенный срок, охватывавший несколько лет. Одно заменялось другим – следующим по номеру – в связи с изменением по стратегическим соображениям всего мобилизационного плана.

Начало нумерации расписания ведется со времени после Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, когда под влиянием впервые заключенного в 1879 году Бисмарком Тройственного союза⁶ против России у нас приступлено было к выработке общего плана обороны наших западных пределов.

Мобилизационное расписание № 18 основное было введено в 1910 году, когда последовала реформа нашей полевой пехо-

6 Тройственный союз – военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившийся в 1882 году. – *Примеч. публикатора.*

ты и артиллерии, были уничтожены резервная и крепостная пехота.

Переход от одного расписания к следующему был всегда сопряжен с техническими трудностями, так как приходилось заново пересоставлять все мобилизационные расчеты. В этой работе огромное значение имели железные дороги, волостные правления, полицейские учреждения и все части и управления военного ведомства. Введению каждого нового расписания предшествовала сложная работа в течение нескольких месяцев. С другой стороны, конечно, каждое новое расписание, усовершенствуя механизм мобилизации, укорачивало срок ее и поднимало боевую готовность армии. Однако стыки смежных мобилизационных расписаний⁷ были периодами некоторого ослабления этой готовности: легче допустимы были все шероховатости и недоразумения.

Для ввода нового расписания нужно было выбирать более спокойное в политическом смысле время. Мы хорошо помним, что время с 1910 года почти не давало таких периодов. Европа переживала последние годы вооруженного мира. В 1909 году последовала неожиданная аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, и «рыцарь в военных доспехах»⁸ напомнил своему другу о полной готовности его поддержать⁹. В 1912 году разыгралась уже прелюдия великой войны – Сербско- и Болгаро-Турецкая война, повлекшая за собою в следующем году разгром Болгарии¹⁰... Неизбежность великой борьбы назревала...

У нас предвиделась неизбежность существенного усиления наших вооруженных сил, но разные обстоятельства, среди которых не последнее место занимала постоянная смена начальников Генерального штаба (в течение пяти лет – пять лиц), отсрочили проект такого усиления до 1913 года, когда возникла наконец пятилетняя «Большая программа усиления сухопутных сил России».

Все перечисленные причины оттягивали ввод нового расписания. Оно должно было быть введено 1 января 1915 года. И потому война застигла нашу армию с расписанием № 18, частично изменявшимся и дополненным и потому носившим с 1912 года наименование № 18 измененного.

По этому расписанию производилась всеобщая мобилизация. Наряду с такою у нас существовал ряд предположений для про-

7 Во времени их действий для населения и для армии. – *Примеч. автора.*

8 Имеется в виду Германия. – *Примеч. публикатора.*

9 Имеется в виду позиция Германии, занятая в дни боснийского кризиса. Тогда она известила правительство Австро-Венгрии, что в случае разрастания конфликта оно может полностью рассчитывать на поддержку Германской империи. – *Примеч. публикатора.*

10 Имеются в виду Балканские войны, которые привели к обострению австро-русских отношений из-за требований Сербии порта на Адриатическом море; эти требования были блокированы Австро-Венгрией. – *Примеч. публикатора.*

изводства мобилизации вооруженных сил по частям. Они влекли за собою частные мобилизации.

При огромных размерах нашего отечества, соприкасавшегося по сухопутью с десятью соседями, из коих с семью мы воевали в одном XIX веке, нам приходилось предвидеть возможность вооруженного столкновения с любым из десяти соседей или в одиночку, или в той или иной комбинации.

Наряду с общим подъемом наших сил предвиделись, в зависимости от политического положения, несколько частных мобилизаций.

Наиболее ярким примером у нас частных мобилизаций были наши мобилизации в Японскую войну. Тогда, с объявлением войны 27 января 1904 года, после минной атаки японцами нашей эскадры была объявлена мобилизация сибирских военных округов, и в Европейской России был намечен ряд последовательных мобилизаций тех районов, из которых призывались запасные и брались лошади для пополнения отправляемых на восток корпусов. [...] Предполагалось производить их так, чтобы оставшиеся наши европейские войска сохранили полную свою боеспособность и, будучи отмобилизованы, представляли бы цельные самостоятельные стратегические единицы. В действительности это не вышло: каждая частная мобилизация являлась не выделенной из общей, а выдерганной из разных районов общей. Вспомним, что пехотные дивизии шли с чужими артиллерийскими бригадами, взятыми часто даже из другого округа; это было в зависимости от перевооружения нашей полевой артиллерии. Что касается технических войск, то они брались со всей территории России.

Наиболее характерный пример того, какое расстройство частные мобилизации влекли в боевой готовности остающихся войск, представляет так называемая десантная экспедиция, которая годами, начиная с 1880-х, тщательно подготавливалась в Одесском округе на случай овладения Босфором. Вся материальная часть этой экспедиции в 1904–1905 годах была взята в Манчжурию и уже более не была восстановлена. А быть может, эта экспедиция могла быть выполнена в 1914 году и дала бы нам возможность обеспечить левый фланг нашего стратегического фронта.

Словом, частные мобилизации в Японскую войну вовсе расстроили нашу общую мобилизацию.

Этот опыт был учтен к 1914 году, но не в полной мере. Почему? Причина кроется в органических недостатках нашей военной системы, которая требовала радикальных решительных реформ, а некоторые недостатки были неустранимы. Большой недостаток запаса офицеров, очень неравномерное распределение по территории государства некоторых категорий запасных

нижних чинов, особенно техников, хроническая неисправимая отсталость всякого рода снабжения не способного удовлетворить насущные нужды наших войск, крайне различная степень густоты железнодорожной сети для разных районов Империи, недостаточность подвижного состава и неповоротливость его в смысле наибо́льшего использования...

В задачу очерка не входит рассмотрение всех перечисленных свойств, но достаточно сказать, что в результате их у нас неизбежно каждая частная мобилизация нарушала возможность общей. Чтобы эта мысль была яснее, остановимся на конечных целях всякой мобилизации. Отнюдь нельзя производить таковую лишь для устрашения непокорного соседа.

Какая борьба предстояла России в первой четверти XX века? Главная – это в Европе – с Тройственным союзом центральных держав. Очевидно было, что это будет война не на жизнь, а на смерть – до полного изнурения одной из сторон. И этому случаю – тягчайшему – должна была отвечать общая мобилизация всех наших вооруженных средств.

Помимо этого случая, России могло быть суждено воевать в Азии, на Дальнем Востоке, с Японией. На этом фронте мы не были в состоянии, даже если бы попытались, сосредоточить все наши вооруженные средства. Далее, возможен был конфликт с Турцией. Ведь история нас учила, что в последние два столетия каждые 25 лет у нас была война с Турцией. Наконец могли быть войны характера экспедиций: с Афганистаном, Персией, Китаем.

Для всех перечисленных возможностей нужны были соответствующие варианты частной мобилизации. Каждая из них должна была производиться так, чтобы не препятствовать вслед за сим, если интересы Родины потребуют, произвести общую мобилизацию.

К этому мобилизационное расписание № 18 измененное и стремилось в отношении людей и лошадей. Но упомянутые раньше общие свойства нашей военной системы оставались налицо, и, следовательно, в конечном практическом результате любая наша частная мобилизация расшатывала общую. Этот вывод нужно помнить, знакомясь с мобилизацией 1914 года.

Наступил 1914 год.

Центральное управление военного ведомства связывало значительные мероприятия с этим годом.

Упомянутая выше «Большая программа» усиления наших вооруженных сил, принятая в конце 1913 года и рассчитанная на пять лет, должна была в 1914 году дать уже заметное приращение сил. Особенно усиливалась полевая артиллерия; в артиллерии вводилась полковая организация: каждой пехотной дивизии придавалась артиллерийская бригада из 11 бата-

рей, сведенных в три полка, из которых восемь батарей легких, две – гаубичных и одна – кадровая для второочередной дивизии. Корпусная артиллерия должна была состоять из дивизиона полевых гаубиц, дивизиона тяжелых пушек и дивизиона тяжелых гаубиц. Достижение такой артиллерии в нашей тактической организации делало пехоту значительно более устойчивой и решительной в достижении боевого успеха. Увеличивался размер скрытого кадра для пехотного полка второй очереди. К 36 корпусам добавлялись еще два.

В конце этого года предполагалось ввести новое мобилизационное расписание № 19, в котором впервые была бы достигнута возможность мобилизации всех воинских частей и учреждений каждого военного округа своими запасными, кроме Приамурского.

Наше артиллерийское снабжение – материальная часть и снаряды, сильно отставшие от штатной потребности, – за этот год должно было подвинуться вперед.

Большая часть упомянутой программы уже была бы выполнена в 1914 году, и, следовательно, провести 1914 год в мире было действительно важно для России.

В 1915 году наша армия выступила бы в поход с солидной тяжелой артиллерией, которая была действительной царицей полей сражений великой войны. И не могло бы случиться такого факта, свидетелем которого мне пришлось быть в апреле 1915 года, когда Макэнзэн¹¹ наносил удар нашей 3-й армии и прорывал фронт¹², выставив не менее 200 тяжелых орудий против фронта X армейского корпуса, а у нас в три армии в составе семи корпусов на фронте 200 верст было всего четыре тяжелых пушки: две – 42-х л[инейных] и две – 6-ти дюйм[овых], причем в самом начале операции одна из двух 42-х лин[ейных] лопнула от крайней изношенности тела орудия.

В течение 1914 года должен был полным ходом заработать Царицынский артиллерийский завод.

В числе многих других причин едва ли могло входить в намерение наших врагов откладывать войну до 1915 года, когда осуществление упомянутой программы значительно подымало тактические шансы Русской Армии. В нашей минувшей жизни нас часто заставляли воевать в тот момент, когда наши войска перевооружались: накануне Крымской войны мы собирались нашу пехоту перевооружить штуцерным ружьем с продолговатой пулею; накануне войны 1877 года мы заготавливали бер-

11 Август фон Макензен (1849–1945) – германский военачальник, в апреле–сентябре 1915 года командующий 11-й армией. – *Примеч. публикатора.*

12 Имеется в виду Горлицкий прорыв, наступательная операция германо-австрийских войск в мае–июне 1915 года. Прорыв фронта на этом направлении привел к так называемому «великому отступлению» российской армии, которая вынуждена была оставить территорию Польши. – *Примеч. публикатора.*

данку; перед японской войной мы приступили к перевооружению нашей артиллерии...

СЕРГЕЙ ДОБРОРОЛЬСКИЙ
О МОБИЛИЗАЦИИ РУССКОЙ
АРМИИ В 1914 ГОДУ

II. Из личных воспоминаний

Еще накануне было тихо в Петербурге.

Торжественно проводили Президента Французской республики Раймонда Пуанкаре¹³.

11 июля, в Ольгин день, между 11 и 12 часами дня начальник Генерального штаба, генерал Янушкевич¹⁴, вызвал меня к служебному телефону и предложил немедленно прибыть к нему в кабинет.

«Положение весьма серьезное, – сказал он по моему входе к нему. – Австрия предъявила Сербскому Правительству совершенно неприемлемый ультиматум, и мы не можем оставаться равнодушными. Решение открыто и твердо заявит об этом. Завтра в “Русском Инвалиде” будет напечатано краткое официальное предостережение о том, что вся Россия с напряженным вниманием следит за ходом переговоров между австро-венгерским и сербским правительствами и не останется спокойной, если достоинству и целостности единокровного сербского народа будет грозить опасность. Все ли у вас готово для объявления мобилизации нашей армии?»

После утвердительного ответа начальник Генерального штаба мне сказал: «Через час вы принесете мне все расчеты о боевой готовности войск, причем имеется в виду, в случае надобности, объявление о частной мобилизации только против Австро-Венгрии. Поэтому при такой мобилизации ничто не должно дать повод Германии видеть какую-либо враждебность против нее».

Я тут же доложил о недопустимости частной мобилизации.

Генерал Янушкевич приказал мне вновь доложить ему подробно, как он назначил – через час.

Во время этого доклада был приглашен также начальник военных сообщений, генерал Ронжин¹⁵. Генерал-квартирмейстер, генерал Данилов¹⁶, был в командировке на Кавказе.

Очевидна была вся несостоятельность частной мобилизации армии. Что повелевает стратегией? Политика. Какая же политическая конъюнктура была на материке Европы в этот момент?

13 Раймон Пуанкаре (1860–1934) – президент Франции в годы Первой мировой войны. – *Примеч. публикатора.*

14 Николай Николаевич Янушкевич (1868–1918) – российский генерал, в 1914 году начальник российского Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

15 Сергей Александрович Ронжин (1869–1929) – российский генерал, в 1914 году начальник отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

16 Юрий Никифорович Данилов (1866–1937) – российский генерал, руководил разработкой плана войны с Австро-Венгрией и Германией, в 1914 году генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

Два противоборствующих союза. Если возможно еще было гадать о монолитности Франко-Русского союза ввиду слишком большой разницы правительственных форм обоих государств, то в целостности, спаянности Германии и Австро-Венгрии сомнений быть не могло. Союзный договор между ними периодически возобновлялся и официально каждый раз опубликовывался; еще два года тому назад, по поводу аннексии Боснии и Герцеговины, глава Тройственного союза торжественно заявил о том, что Австрия может быть спокойной, ее верный рыцарь в блестящих латах исполнит свой долг.

Какую же цель могла преследовать частная мобилизация только против Австро-Венгрии? Угроза, не поддержанная убедительной доказательностью своей силы, вызывала соблазн пренебречь ею. Частная мобилизация наших сил приводила как раз к противоположным последствиям сравнительно с теми, на которые была рассчитана.

В стратегическом отношении она была просто нелепостью. Предполагалось отмобилизовать четыре военных округа: Киевский, Одесский, Московский и Казанский. На территории этих округов было расположено тринадцать армейских корпусов. Будучи отмобилизованы, они должны немедленно были быть переброшенными в район сосредоточения. Допустим, что все это было бы выполнено. Но как же быть с Варшавским военным округом? По мысли этой частной мобилизации, дабы не давать повода Германии сомневаться в наших намерениях, Варшавский округ оставался нетронутым. Таким образом вся южная граница Варшавского военного округа, соприкасающаяся с Австро-Венгрией, оставалась неприкрытой, необеспеченной. Какие губительные последствия должны были бы последовать, если оказалось бы затем необходимым объявить общую мобилизацию?

По действовавшему расписанию не была достигнута полная мобилизационная самостоятельность каждого военного округа: некоторые войсковые части получали запасных из соседнего округа. Это было последствием несоответствия дислокации войск и населенности различных районов России. Правда, с 1910 года часть полевых наших войск была отодвинута от западной границы вглубь Империи, но все же населенная губерния центра России и Поволжья входили в состав Московского и Казанского округов, где было меньше войск. Из этого основного резервуара запаса армии подавались запасные в Туркестан, Сибирь, Кавказ. Раз эти последние округа по частной мобилизации не мобилизуются, то подавать туда запасных можно было лишь с объявлением общей мобилизации. Значит, железные дороги должны были быть готовы, невзирая на объявленную частную мобилизацию, перейти на работу по военному графику только с объявлением общей мобилизации.

Возникла надобность для железных дорог предвидеть совсем особую комбинацию: частную мобилизацию некоторых европейских округов, за которую должна была следовать общая.

Эта комбинация не была разработана, как уже раньше говорилось, на том основании, что не предвиделась возможность частной мобилизации против одной Австро-Венгрии¹⁷.

Но еще опаснее было бы со стратегическим сосредоточением мобилизационных войск на границе.

Был разработан лишь один план сосредоточения. По этому плану корпуса Московского и Казанского военных округов входили в состав армий, разворачивавшихся на территории Варшавского военного округа. Следовательно, при задуманной частной мобилизации эти корпуса должны были бы быть направленными в иные районы сосредоточения, выбранные на границе Киевского округа.

Но ввиду полной вероятности объявления вслед за частной общей мобилизации надо думать, что стратегическое сосредоточение армии началось бы по окончании общей мобилизации, и, следовательно, переход армии на военное положение, произведенный двумя темпами, привел бы в лучшем случае к опозданию в боевой готовности Русской Армии на столько дней, на сколько частная мобилизация предшествовала общей.

А это обстоятельство могло иметь весьма важные последствия, настолько благоприятные для врага, что если бы военное руководство силами Тройственного союза предвидело возможность с нашей стороны такой последовательной мобилизации, то оно все сделало бы, чтобы втянуть нас в осуществление такой комбинации.

Генералу Янушкевичу было подробно доложено о всех указанных невыгодах частной мобилизации. Одновременно была подана записка о некоторых необходимых мероприятиях в связи с возможностью мобилизации, а именно:

– Войска были в лагерных сборах, иногда – в местах, удаленных от постоянных квартир, где находились их неприкосновенные мобилизационные запасы всякого рода. Нужно было вернуть войска из лагерей в свои постоянные стоянки.

– В войсках ощущался большой некомплект по мирному штату младших офицеров – около трех тысяч человек. Необходимо было немедленно произвести в офицеры юнкеров старших курсов военных училищ и перевести юнкеров младшего курса на старший. Вместе с тем – произвести немедленные выпуски офицеров старших курсов военных академий, а офицеров, со-

17 Железнодорожное движение по военному графику не могло вводиться по районам – по частям территории, по военным округам. Неизбежно получилась бы закупорка движения. Требовалась предварительная долгая подготовка. – *Примеч. автора.*

стоящих на младших курсах академий, откомандировать в свои части. Распустить офицерские практические школы.

– Объявить крепости и некоторые пограничные районы на военном положении, дабы дать старшим военным начальникам необходимую полноту власти для обеспечения успеха мобилизации и безопасности против шпионов и разных злонамеренных лиц.

– Ввести во всей Империи положение о предмобилизационном периоде¹⁸, что имело в виду известную децентрализацию подготовительных военных распоряжений на местах.

В 5 часов вечера в этот день, 11 июля, было назначено заседание Совета Министров в Красном Селе, на котором должен был участвовать генерал Янушкевич, а на 8 часов вечера им было собрано заседание комитета Генерального штаба с участием начальников всех главных управлений военного министерства.

Вернулся генерал Янушкевич из Красного Села и подтвердил о непреклонности принятого Правительством решения ответить на австрийский ультиматум достойным России – покровительницы славян – образом. Все проектированные меры утверждены. На другой день уже назначено возвращение полков гвардии на свои зимние стоянки и производство юнкеров в офицеры.

Заседание комитета Генерального штаба было посвящено окончательной редакции проекта положения о Полевом Управлении войск.

Это было одним из крупных пробелов нашей подготовки, что составление назначенного положения заканчивалось под громом надвигавшейся военной грозы.

Последующие ближайшие дни всем хорошо известны по обнародованным европейскими правительствами цветным книгам¹⁹ с документами.

Война была уже предрешена, и весь поток телеграмм между правительствами России и Германии представлял только *mise en scène* исторической драмы.

Оттяжка решительного момента была, пожалуй, полезна для подготовительных работ, но она усиливала напряжение по обе стороны границы.

Установление предмобилизационного периода не давало права принимать меры мобилизационного характера, но очевидно, что в пограничной полосе, где население и власти нервничали, возможны были увлечения в смысле некоторого забегания впе-

18 В феврале 1913 года было установлено Положение о предмобилизационном периоде, разработанное совещанием представителей заинтересованных ведомств под председательством генерала Лукомского, рассмотренное Советом Министров и высочайше утвержденное. – *Примеч. автора.*

19 «Цветные книги» – общее название публикаций дипломатических документов периода Июльского кризиса. – *Примеч. публикатора.*

ред по обеспечению мобилизации. Это особенно было естественно на германской границе, где поставка лошадей, да и сам призыв запасных были под угрозой, что ими может воспользоваться более предприимчивый сосед.

В Сувалкской губернии, действительно, были случаи преждевременного привода лошадей на сдаточные пункты, что подало повод Германскому послу в Петербурге, графу Пурталесу²⁰, обратиться с упреком к нашему Правительству и, в частности, через военного агента, к военному министру. Сухомлинов²¹ самым категорическим образом отвергал наличие с нашей стороны мобилизационных мер, но нельзя было ручаться, что ни один пограничный воинский начальник или начальник уезда не проявлял собственной инициативы, раз объявлен предмобилизационный период. Пограничные инциденты всегда возможны, а в такое время – тем более.

Злополучная мысль о частной мобилизации не была еще оставлена. Она имела своих приверженцев, но не в среде Военного Ведомства. Генерал Янушкевич усвоил, конечно, всю опасность ее объявления, но, как увидим дальше, не мог внушить того же при своих всеподданнейших докладах.

12-го, 13-го и 14 июля были днями томления для оптимистов. К ним сначала принадлежал и Серг[ей] Дм[итриевич] Сазонов²². министр иностранных дел. Только этим оптимизмом можно объяснить, что он продолжал стоять за частную мобилизацию и поддерживал веру в спасительность ее – в Петергофе.

Настроение там было вполне понятно. Сознание великой ответственности и предчувствия вызывали внутреннюю борьбу и понятные колебания. И вот, как прямой результат такого настроения, спасения ищут в частной мобилизации против Австрии. Но для министра иностранных дел должно было быть ясно, как и для военного, что такая военная мера могла послужить только лишним поводом нашим врагам стать еще дерзостнее: это решение ставило исходную операцию нашей Армии в самые неблагоприятные условия.

Примером яркого желания резко подчеркнуть дружелюбное отношение к Германии может служить эпизод с одним коммерческим немецким пароходом в Кронштадте 14 июля. Пароход навлек подозрение коменданта крепости, и установленное наблюдение подтвердило, что на нем находится станция беспроводного телеграфа, которым шкипер пользуется для передачи радиogramм.

20 Граф Фридрих фон Пурталес (1853–1928) – германский дипломат, в 1914 году посол Германии в России. – *Примеч. публикатора.*

21 Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) – российский генерал, в 1914 году военный министр Российской империи. – *Примеч. публикатора.*

22 Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1927) – российский дипломат, в 1914 году министр иностранных дел. – *Примеч. публикатора.*

Так как район крепости с 12 июля был объявлен на военном положении и присутствие в районе крепости частных, а тем более – чужестранных станций телеграфа противоречило всем правилам крепостного района и могло иметь шпионский характер, то, по докладу коменданта августейшему Главнокомандующему войсками округа, последним было приказано шкипера арестовать, пароход задержать и не выпускать из порта, станцию же снять. Германский посол обратился с категорическим протестом, в результате коего в тот же день последовало Высочайшее повеление Главнокомандующему немедленно освободить шкипера парохода и судно не задерживать, причем в собственноручном письме на имя великого князя выражалось осуждение принятой меры против судна, принадлежащего дружественному государству.

15 июля – день объявления Австро-Венгрией войны Сербии – Сазонова сразу покидает его оптимизм, он проникается мыслью о неизбежности общей войны и указывает Янушкевичу о необходимости долее не медлить с мобилизацией нашей армии. Причем в представлении министра иностранных дел о мобилизации, по словам Янушкевича, сквозило теперь удивление, почему она не была начата ранее.

Вечером 15-го изготавливаются к подписи два Высочайших указа – один для общей, другой для частной мобилизации.

Первый проект – для общей мобилизации – заключал в себе призыв запасных всех сроков службы, всех губерний и областей Европейской России, кроме территории Приамурского военного округа и десяти уездов Вятской и Пермской губерний.

Мобилизацию войск в Приамурском округе и назначенных десяти уездов решено было объявить две недели позже, так как 1-й и 11-й Сибирские корпуса уже в мирное время содержались в усиленном составе и их окончательную мобилизацию²³ предполагалось произвести запасными указанными десяти уездов²⁴. Запасные должны были быть поданы на пути, во время следования означенных корпусов в район сосредоточения на Западную границу, во избежание двойного пробега означенных запасных через всю Сибирь.

Указ для частной мобилизации предусматривал производство мобилизации войск и призыв запасных в четырех округах – Киевском, Одесском, Московском и Казанском.

Для подъема ополчения был изготовлен проект манифеста, но ополчение должно быть призвано позже, по окончании призыва запасных.

Утром 16 июля генерал Янушкевич вручил мне для исполнения подписанный Государем Императором указ об общей моби-

23 Ввиду крайнего недостатка местных запасных чинов в Приамурье. – *Примеч. автора.*

24 Заблаговременно в указанные уезды были высланы офицеры обоих корпусов. – *Примеч. автора.*

лизации, где первым днем мобилизации назначалось 17 июля. Указ должен быть отправлен для обнародования в Правительствующий Сенат, но раньше надлежало с ним вместе быть у министров военного, морского и внутренних дел для подписи ими телеграммы, которую по закону, за их подписями, объявлялось командующим войсками, генерал-губернаторам и губернаторам о мобилизации.

Хорошо помнятся эти посещения министров. Сухомлинов все эти роковые дни вообще был очень сдержан, будто намеренно с его стороны первая роль в Военном Ведомстве перешла к Янушкевичу. Янушкевич в эти дни с несвойственным, казалось, ему темпераментом изображал главу важнейшего в данный момент ведомства. При постоянных посещениях его служебного кабинета обыкновенно приходилось его заставить с трубкой одного из трех телефонов или придворного, связывавшего его с царской резиденцией Александрией²⁵, или особого министерского, коим он соединялся с министрами, или, наконец, – городского. Его сдержанное обычно выражение лица в эти дни выдавало тревожное настроение, а бледность и большие мешки под глазами свидетельствовали о бессонных ночах, проводимых им за работою.

Еще четыре месяца тому назад в скромной роли начальника академии, мог ли он предположить, что на его плечи взвалится тяжкая ответственность по всеобщей мобилизации Русской Армии.

Сухомлинов отчетливо понимал, что Россия втягивается в непосильную борьбу, и теперь будто хотел, чтобы забыли всего несколько месяцев тому назад по его инициативе написанную крикливую статью в «Биржевых Ведомостях» о нашей готовности: «Россия не хочет войны, но и не боится ее». В эти серьезные дни он, казалось, умышленно предоставил дирижерскую палочку начальнику Генерального штаба, который через несколько дней должен был стать начальником штаба Верховного главнокомандующего. Будь в этот момент на высших постах военного ведомства несколько иные люди: один с большим чувством любви к Родине и более государственно мыслящий человек, вроде Д.А. Милютина²⁶, а другой – с большим знанием тайн военного успеха и с большим пониманием армии и ее нужд, вроде Н.Н. Обручева²⁷, – война могла быть отсрочена до более благоприятного для нас момента...

25 Вероятно, имеется в виду Александровский дворец в Царском селе – основная резиденция царской семьи. – *Примеч. публикатора.*

26 Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – российский генерал, в 1861–1881 годах военный министр Российской империи, основной разработчик военной реформы 1860-х годов. – *Примеч. публикатора.*

27 Николай Николаевич Обручев (1830–1904) – российский генерал, в 1881–1897 годах начальник Главного штаба. – *Примеч. публикатора.*

Когда я явился к морскому министру, адмиралу Григоровичу²⁸, он не хотел верить, что я привез ему для подписи телеграмму об общей мобилизации. «Как война с Германией? Флот наш не в состоянии состязаться с немецким, – говорил министр. – Кронштадт не предохранит столицу от бомбардирования». Он позвонил Сухомлинову по министерскому телефону и просил подтвердить надобность в его подписи. И, получив утвердительный ответ, он с тяжелым чувством приложил свою подпись.

На Елагином острове, у министра внутренних дел Маклакова²⁹, в кабинете царил молитвенная обстановка. Как раз против письменного стола, за которым сидел министр, у противоположного простенка, на узком столе, покрытом белой пелену, находилось несколько больших образов, перед которыми теплилась лампада и горело несколько восковых церковных свечей. Он сейчас же заговорил о революционерах, которые, по его компетентным сведениям, ждут с нетерпением войны, чтобы докончить дело, начатое в минувшую, японскую войну. «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярною, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти...» – и, осенив себя крестным знаменем, министр подписал телеграмму.

Теперь надо было направляться на главный телеграф и пускать историческую телеграмму в обороты. Было около 9 часов вечера 16 июля. Главный начальник почты и телеграфов был предупрежден об отправке телеграммы чрезвычайной важности. Прибыв в кабинет управляющего петербургским телеграфом, я вручил ему телеграмму и остался, чтобы лично присутствовать при передаче телеграммы во все концы земли Русской. При мне в кабинете было приступлено к печатанию ее на нескольких пишущих машинках, чтобы сразу можно было наложить на все аппараты, связывающие Петроград с главными центрами Империи, откуда депеша должна была быть передана во все губернские и областные города. Существовала особая инструкция для рассылки мобилизационной телеграммы. Во время ее передачи никакие иные телеграммы не посылались.

Огромный зал Петербургского центрального телеграфа с несколькими десятками аппаратов готовился принять мобилизационную телеграмму.

Но в этот момент – 9½ вечера – меня приглашает к телефону генерал Янушкевич и приказывает задержать телеграмму до прибытия ко мне капитана Генерального штаба Туган-Бара-

28 Иван Константинович Григорович (1853–1930) – российский адмирал, в 1914 году морской министр Российской империи. – *Примеч. публикатора.*

29 Николай Алексеевич Маклаков (1871–1918) – российский чиновник, в 1914 году министр внутренних дел. – *Примеч. публикатора.*

новского... Входит он и докладывает, что гонялся за мною по городу, дабы передать мне Высочайшее повеление не отправлять телеграммы об общей мобилизации. Последняя отменена, и Высочайше повелено взамен произвести частную по заготовленным ранее соображениям.

Врученная мною на телеграфе телеграмма об общей мобилизации и все ее оттиски немедленно были взяты мною назад. Я сообщил управляющему телеграфом о последовавшей отмене и уехал. Эта перемена произошла вследствие телеграммы Вильгельма на имя Государя, в которой говорилось: «Если Россия будет мобилизовать войска против Австро-Венгрии, посредническая роль, которую Я принял на себя по твоей настоятельной просьбе, будет скомпрометирована, если не станет вообще невозможной. Вся тяжесть решения лежит на твоих плечах, и ты несешь ответственность за войну или мир»...

Телеграмма о частной мобилизации на имя командующих войсками в Киев, Одессу, Москву и Казань была послана мною позже, около полуночи с 16-го на 17 июля, с капитаном Туган-Барановским³⁰.

Я вернулся в кабинет начальника Генерального штаба и не мог не скрыть всей горечи от происшедшей перемены. Было очевидно, что вся тяжесть последующих недоразумений и сумбура – ибо несомненность общей мобилизации через несколько дней была ясна – ляжет на нас – на Генеральный штаб.

Янушкевич передал слова его Величества, что Государь Император принимает на себя всю ответственность объявления частной мобилизации: представители Военного Ведомства сделали все от них зависящее, чтобы была общая мобилизация, но Он решил таковой не производить.

После вышеизложенного совершенно ошибочными должны считаться указания в печати (статьи Влад[имира] Набокова³¹ в «Руле»), основанные на данных процесса Сухомлинова (то же говорится и в дневнике Сухомлинова, опубликованном на днях в Гельсингфорсе и в выдержках отпечатанном в «Последних Известиях»³²), будто общая мобилизация Сухомлиновым и Янушкевичем самовольно не была отменена, и они, оба, будто обманули Государя. Эта мысль могла явиться лишь в 1917 году, после крушения монархии, но ни тот ни другой в действительности в 1914 году не ослушались бы своего Государя³³...

30 Лев Степанович Туган-Барановский (1880–?) – российский офицер, в 1914 году сотрудник Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

31 Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922) – российский политик, один из лидеров Конституционно-демократической партии. – *Примеч. публикатора.*

32 Мне кажется, что этот дневник, если не апокрифический, то написан, во всяком случае задним числом – уже после увольнения в отставку и после или перед самим процессом. – *Примеч. автора.*

33 Ослушание стало бы известно Государю утром на другой день, так как общую мобилизацию, в которой принимают участие миллионы людей, утаить нельзя. – *Примеч. автора.*

Итак, 17 июля был первый день частной мобилизации для Киевского, Одесского, Московского и Казанского округов, то есть для южной, центральной и восточной частей Европейской России. Войска Петербургского, Виленского, Варшавского, Кавказского, Туркестанского и трех Сибирских округов не получили повеления о мобилизации; север, северо-запад и запад Европейской России, Дон, Кавказ, Туркестан, вся Сибирь и все казачьи области не были еще тронуты мобилизацией. Не был мобилизован и флот.

Утром 17 июля, около 11 часов, генерал Янушкевич позвонил мне по телефону и сказал: «Есть надежда на исправление положения, будьте готовы прибыть ко мне со всеми документами тотчас по моему вызову, после полудня».

Янушкевич убедил Сазонова представить Государю всю опасность в политическом отношении, в смысле нарушения союзных обязательств к Франции, производства частной мобилизации, которая позволит Вильгельму вырвать у французского правительства согласие на нейтралитет, и, когда мы завязнем со своею частною мобилизацией, он объявит нам войну и использует нашу неготовность в крайне выгодном для себя отношении.

Около 1 часу дня Янушкевича вызывает по телефону Сазонов и говорит, что Государь признал правильным, в связи с последними сведениями из Берлина, объявить общую мобилизацию всей армии и флота. «Alors, faites vos ordres, mon général, et ensuite... disparaissez pour toute la journée...»³⁴ – добавил министр.

Янушкевич немедленно после сего вызвал меня к себе и посвятил меня в этот разговор.

Нужно, следовательно, было тотчас посылать новую телеграмму об общей мобилизации, считая первым днем ее следующий день – 18 июля – во всех округах и на всей территории России. Тогда в четырех округах, где объявлена была частная мобилизация, замешательства не произойдет: в первый день, по общему правилу, передвижений и перегрузок запасных и лошадей еще не происходит. Всем запасным даются первые сутки на устройство своих дел. Передвижение начинается со второго дня мобилизации. Значит, если в Киеве, Одессе, Москве, Казани в течение первого дня частной мобилизации будет получено повеление, что следующий день считается первым днем общей мобилизации, то общая мобилизация поглотит частную, фактически отменит ее, и в этих округах мобилизация, как и всюду, начнется 18-го, только у них выйдет два первых дня мобилизации подряд. Словом, такое решение парализует весь вред, происшедший от объявления частной мо-

34 Итак, выполняйте приказ, генерал, а потом... исчезните на целый день... (фр.). – Примеч. публикатора.

биллизации, сведя его к замедлению вообще мобилизации на один день.

Нужно было вновь объехать трех министров для подписи телеграммы, устанавливающей начало общей мобилизации на 18 июля. Вчерашняя телеграмма была, конечно, недействительна.

В это время в Мариинском Дворце происходило экстренное заседание Совета Министров под председательством Горемыкина³⁵. Туда направлялся и Янушкевич. Он предложил мне ехать с ним и так как там налицо были все министры, то во время перерыва заседания можно было сразу получить нужные подписи. Так и было сделано. Телеграмма была готова. Около 5 часов дня я повез ее на телеграф. Опять та же вчерашняя предварительная процедура. Невольно закрадывалось сомнение, удастся ли и на этот раз послать телеграмму. Вспоминались слова Сазонова: «et disparaissez pour toute la journee».

В 6 часов вечера все аппараты были готовы к принятию мобилизационной телеграммы. Я вошел в зал. Какой-то торжественной молчаливостью повеяло от телеграфистов и телеграфисток; каждый сидел у своего аппарата и ожидал принять отпечаток телеграммы, чтобы послать во все концы Русской земли знаменательную весть о подъеме Русского народа на великую борьбу.

В 6 часов с несколькими минутами вечера среди полной тишины аппаратного зала сразу застучали телеграфные аппараты... Это был начальный момент великой эпохи...

Телеграмма посылалась с обратной проверкой, которую я выжидал в аппаратной.

Около 7 часов вечера из всех пунктов, которые связаны с Петербургским телеграфом прямыми проводами – а это были важнейшие центры России, Европейской и Азиатской, – были получены ответы о правильном приеме мобилизационной телеграммы.

Дело было начато бесповоротно. Оно уже стало известным во всех крупных городах нашего необъятного отечества. Отмены быть не могло. Пролог великой исторической драмы начался...

В этот день поздно вечером от штаба Киевского военного округа был получен телеграфный запрос о неясности создавшегося вследствие полученных мобилизационных телеграмм положения – нет ли какого-либо недоразумения? Тотчас же была послана разъясняющая телеграмма. Далее запросов получено не было; это свидетельствовало, что мобилизация на местах началась без осложнений.

С раннего утра в Петербурге на улицах обильно были расклеены красные объявления о призыве запасных для общей

35 Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917) – российский государственный деятель, в 1914 году председатель Совета Министров Российской империи. – *Примеч. публикатора.*

мобилизации. Белые объявления оповещали об установлении в Петербурге и окрестностях военного положения.

По полученным в тот же день агентурным сведениям, 18 июля была также объявлена мобилизация в Германии и Австро-Венгрии. Но в Австро-Венгрии раньше была объявлена частная мобилизация некоторых корпусов, одновременно с предъявляемым ультиматумом Сербии.

19 июля Германский император объявил войну России.

20 июля, в воскресенье, всем памятна обстановка, среди которой Государем в Зимнем Дворце был принят немецкий вызов.

Со второго дня мобилизации, то есть с 19 июля, началось вливание в кадровый состав армии запасных. Стали прибывать лошади и кому положено было по штатам военного времени – повозки, автомобили и грузовики, поставленные от населения.

Сроки мобилизационной и боевой готовности войсковых частей и учреждений были различны, начиная от нескольких часов, как для пограничных кавалерских полков, и кончая несколькими неделями – для второочередных частей и обозных учреждений. Для ополчения – опять совсем особые сроки.

После мобилизации армии начался призыв государственного ополчения. Манифест о призыве ополчения 1-го разряда был подписан через неделю после начала призыва запасных – 25 июля, – но самый призыв предоставлено было делать военному министру постепенно – по возрастным классам и по-районно – в зависимости от потребности. Запасных нижних чинов было около трех миллионов. Ратников ополчения было в общем до десяти миллионов. Призыв их должен был соответствовать практическим возможностям их снаряжения, вооружения и содержания. Военное министерство столкнулось здесь с разрешением грандиознейшей задачи, впервые встретившейся в государственной жизни, История не давала надлежащего примера. Вооруженному народу современности посвящено было много специальных книг, но на практике этот поголовный подъем был беспримерен и представлял огромные трудности. По существу, этот вопрос должен был бы быть разрешен так: на основании стратегических соображений был определен размер той армии, какую государству надлежало выставить для обеспечения успеха в кратчайший срок, считая все войска вспомогательного назначения. Затем весь остальной контингент способного мужского населения должен предназначаться для пополнения в перволинейной армии убыли. Этот контингент надлежало готовить, обучать и по мере надобности высылать на фронт команды пополнения. Для успеха обучения и, не причиняя напрасного вреда населению, следовало точно установить, во-первых, минимальный необходимый срок обучения таких пополнений и, во-вторых,

размер потребной численности их в определенную единицу времени, допустим, в месяц.

Эти данные могли получиться только путем опыта, которого до войны не было. Естественно было стремление скорее иметь под рукою готовый излишек, нежели – чтобы была нехватка. Следовательно практически система вооруженного народа сводилась к наличию во время войны на обширном пространстве нашего государства густой сети людских депо, где подготавливались бы пополнения. Эта сеть должна была быть заблаговременно, еще в мирное время, разработана и установлена для своей сугубо важной задачи – пропускать через себя в должный срок людской материал, вливающийся в перволинейную армию для поддержания последней всегда на желательном численном и качественном уровне. Это есть всеми хорошо известная система запасных войск. К сожалению, у нас эта система не была в мирное время разработана, не была подготовлена. У нас по действующему мобилизационному расписанию было предположено сформировать всего 188 запасных частей, не считая запасных полков конницы. Для этих 188 частей только были скрытые кадры при полевых войсках. Эта цифра ничтожна. Даже если допустить состав каждой части в 10 000 человек (что практически невыполнимо было осуществить), то и то получалось в общем менее двух миллионов людей, между тем запасные части были разной емкости – да и можно ли вообще войсковую часть иметь в 10 000? Первые «Большая программа», о которой уже упоминалось, предусматривала формирование 500 запасных батальонов второй очереди, но эти формирования, к сожалению, не были разработаны к началу войны. Только сделан был наряд людей в расписание.

Поэтому, как это ни странно, с первых же дней войны полевые войска оказались в хроническом некомплекте, а в глубоком тылу укрывались, под разными предлогами, десятки тысяч здоровых мужчин. Эту язву всенародной войны можно было устранить только тщательно подготовленной системой запасных войск. В густой сети запасных частей должны были выдерживаться все излишки призванных ополченцев, все выздоровевшие после ранений и болезни солдаты и молодые солдаты очередного призыва новобранцев. Не дружины ополчения, а именно запасные войска должны были бы составить второлинейную армию, главная обязанность которой непрерывно высылать пополнения на фронт, дабы держать в постоянном комплекте действующую армию.

По многим причинам, о которых стоит для поучительности побеседовать особо, указанной густой сети запасных войск нашим центральным Генеральным штабом разработано не было,

и поэтому такую сеть пришлось импровизировать уже во время войны, когда совершенно отсутствовали условия спокойной методичной работы. А потому все помнят хорошо, какую уродливую форму приняли наши запасные батальоны, в которых накапливалось по десятку рот тысячного состава.

Но об этом в другой раз... Как же протекала мобилизация нашей постоянной армии?

Первые донесения с мест, сосредотачивавшихся в мобилизационном отделе Генерального штаба, были весьма отрадные. За войсковые части, за кадровую армию, можно, конечно, было быть совершенно спокойными. Кроме присущего нашей армии глубоко национального чувства и сознания, что настал час, когда кончились, наконец, долгие годы обучения и настали суровые экзамены, наши войска имели достаточную мобилизационную практику мирного времени.

Последние годы перед войною этому отделу боевой подготовки войск удалялось, как известно, достаточно внимания. Исключая лагерное время и период обучения молодых солдат, в прочее время года во всех военных округах широко практиковались так называемые поверочные мобилизации. Всякий раз назначались войсковые комиссии, которые весьма обстоятельно следили за ходом подобных мобилизаций, составлялись отчеты с отметкой всех недочетов, которые внимательно затем устранялись.

Существовала, кроме того, иная форма мобилизационной практики – опытные мобилизации с призывом запасных нижних чинов и с поставкой от населения лошадей. На это дело ассигновывались достаточные денежные средства, и эта практика была двусторонняя, то есть и для войск, и для самих запасных, и тех местных учреждений, которые ведали учетом и призывом запасных и поставкою лошадей.

Как раз за два месяца до начала действительной мобилизации была произведена подобная опытная мобилизация в Одесском округе 34-й артиллерийской бригады в Екатеринославе и нескольких уездах Екатеринославской губернии. Этот опыт подтвердил, что за мобилизации полевых войск можно не опасаться.

Но вскоре, в дни настоящей мобилизации, стали получаться тревожные донесения о беспорядках, производимых запасными на сборных пунктах у уездных воинских начальников.

В Барнаульском уезде Томской губернии, в Пермской, в Орловской, в Могилевской губерниях возникли крупные волнения среди десятков тысяч запасных исключительно на почве опьянения водкою.

Вероятность этого явления предвиделась. Нашим законом – уставом воинской повинности, издания 1912 года – предусмат-

ривалось полное закрытие всей винной торговли в период мобилизации, до ее окончания. Статья устава об этом закрытии виноторговли (государственной монополии) была включена только в новое издание назначенного закона, после долгого сопротивления министерства финансов, причем последнему удалось ограничить это запрещение в целях фискальных пределах времени, пока запасные не влиты в войска и – не на всей территории государства сплошь, а в районах сбора запасных и в полосе железнодорожного отчуждения. По закону выходило, что пройдут запасные, и винная монополия могла вновь действовать. Этого было недостаточно. Поэтому накануне уже мобилизации, 13 июля 1914 года, военный министр обратился с письмом к министру финансов, в котором настаивал о повсеместном закрытии всякой винной торговли – и не только на срок мобилизации, но до полного окончания стратегического сосредоточения войск на границе.

Министр финансов уже накануне мобилизации согласился, и тогда последовало Высочайшее повеление о прекращении винной торговли в течение всей мобилизации во всей Империи.

Пьяные бунты запасных нижних чинов побудили правительство запретить продажу водки и вина на время всей войны. Это было начало эпохи трезвости в России, крайне благотельной для народа. Помнится, как под влиянием означенной меры некоторые городские и сельские общества выносили приговоры о вечном запрете винной торговли.

Революционная свобода вытравила эту благотельную меру, и революционно-большевистский период русской жизни отмечается, между прочим, вновь возникшей винопийной вакханалией.

«Пьяные» беспорядки запасных в дни мобилизации вопреки установленной запрещенной торговле вином объясняются тем, что партии запасных громили закрытые винные лавки и склады казенного вина и грабили оттуда запасы вина.

Из Петрограда было предписано принять самые крутые меры к прекращению пьянства запасных, и в двух случаях губернаторы были смещены за нераспорядительность по восстановлению порядка.

Это был вообще существенный изъян в общем ходе мобилизации, но без последствий для окончательных ее результатов.

Вторым пробелом являлись случаи уклонения от мобилизации, по-видимому, довольно многочисленные, так как самый закон о воинской повинности давал широкое право отсрочек и освобождений от призыва по разнообразными причинам. Столь прославившийся во время войны своеобразный институт «земгусаров» имел свои корни в законе и начал зарождаться в дни мобилизации.

Вспоминаются, между прочим, эти дни по тому обилию всевозможных просьб и ходатайств, письменных и личных, которые поступали к военному министру через мобилизационный отдел об освобождении или, в крайности, об отсрочке призыва в войска.

Подобные просьбы поступали не из толщи народа, а от лиц нашего культурного общества и из среды «буржуазии».

И какие только кнопки ни нажимались для удовлетворения ходатайства. Конечно, на первом месте шла протекция в виде рекомендательно-просительных писем от лиц самого высшего положения в мире бюрократии и по происхождению.

Борьба с этим злом велась, но необходимо признать, преимущественно безуспешно. Протекция – одна из коренных язв уклада нашей русской жизни, бороться с которой можно только дружными усилиями самого общества... И в горячие дни мобилизации было не до этого.

В дни мобилизации при существовании известного патриотического подъема в населении эта теневая сторона еще не обнаружилась в полной мере, как случилось позже, когда настали мрачные будни долгой войны. Густота тени была прямо пропорциональна нашему военному конечному неукладу.

При нашем огромном богатстве людского материала означенные изъяны не могли оказать осязательного вреда на итоги мобилизации нашей полевой армии. Штатный состав военного времени легко был достигнут, и все войсковые части и воинские учреждения в комплекте прибывали в назначенный срок в район стратегического сосредоточения³⁶.

Сроки мобилизационной готовности войск, как уже упоминалось, были весьма различны и для второочередных войсковых частей, и для третьеоочередных казачьих полков достигали более месяца.

Наши полевые армии были окончательно готовы в районах своего сосредоточения на двадцатые дни мобилизации. Наши армии – 3-я под начальством генерала Рузского и 8-я под начальством генерала Брусилова – начали свою наступательную операцию в пределы Восточной Галиции 7 августа, то есть на 21-й день, считая от первого дня мобилизации; 10 августа вошли в боевое соприкосновение с врагом, а 13 августа по всему фронту 3-й армии были серьезные бои с австро-венгерскими войсками, увенчавшиеся для нас существенным успехом.

36 Качественный состав войск, в смысле наличия всей нашей интеллигенции в рядах войск, был бы, конечно, выше, если бы не было уклонений от призыва в войска и стремлений некоторых представителей этой интеллигенции на тыловые должности. Вопрос низшего командного состава в великую войну был разрешен неудовлетворительно. Но об этом нужно писать особо. – *Примеч. автора.*

Эпоха войн далеко не закончилась в мире... больше того, не будет парадоксом признать, что мировая борьба, начатая в 1914 году, продолжается...

Последнее действие великой исторической драмы, как упомянуто в первых строках этого очерка, еще не разыграно...

Участие в нем 150-миллионного русского народа неизбежно, как было неотвратимо то же его участие во всех предыдущих фазисах борьбы.

Будущая национальная власть воссозданной великой нашей Родины в один из первых углов своего творчества должна поставить заботу о восстановлении и национальной армии. Без армии не может быть государства. И тогда должен быть учтен во всех подробностях великий опыт нашей мобилизации 1914 года.

Эта мобилизация прошла успешно, прошла блестяще, по признанию всего русского общества и лучших его представителей³⁷, потому, что эта военно-государственная операция была тщательно, во всех подробностях, заблаговременно разработана.

Необходимо, не теряя времени, накапливать все данные опыта этой мобилизации, чтобы, когда «придет час», можно было, не откладывая, устранить недостатки полного использования живых сил России, недостатки, обнаруженные нашей мобилизацией 1914 года.

20 июня 1921 года

Подготовка к публикации Александра Кустарева и Константина Тарасова, примечания Константина Тарасова

37 На торжественном заседании Государственной Думы в августе 1914 года был встречен единодушными аплодисментами столь непопулярный в думских кругах военный министр, генерал В.А. Сухомлинов, – под впечатлением исключительно удачно прошедшей мобилизации. Помню слова очень известного члена Г[осударственной] Д[умы], который, придя в кабинет начальника мобилизационного отдела тогда, заявил, что успешной мобилизацией армии военный министр загладил все свои ошибки перед народным представительством и русским обществом. – *Примеч. автора.*

